

**ПСИХОЛОГИЯ
PSYCHOLOGY**

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-2-8
УДК 159.99

**ДИСКРЕТНОСТЬ-НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ ЛИЧНОСТИ
КАК УСЛОВИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Шаповал И.А., Фоминых Е.С.

В статье поднимаются проблемы личности как системно-структурного феномена, функционирующего одновременно во внешней и внутренней реальности. В фокусе исследователей – дискретность (прерывность) и континуальность (непрерывность) психологических границ как фундаментальные условия взаимодействия внешней и внутренней реальности. Дискретность-непрерывность как имманентные свойства психологических границ раскрываются через анализ двух взаимосвязанных измерений: динамического и временного.

Ключевые слова: психологическая граница; внешняя реальность; внутренняя реальность; дискретность (прерывность); континуальность (непрерывность).

**DISCRETENESS-CONTINUITY OF THE PERSONALITY'S PSYCHOLOGICAL
BOUNDARIES AS A CONDITION FOR THE INTERACTION OF INNER
AND EXTERNAL REALITY**

Shapoval I.A., Fominykh E.S.

This article raises the problems of the personality as a system-structural phenomenon functioning in inner and external reality simultaneously. The case study is discreteness (discontinuity) and continuity (permanence) of psychological boundaries as fundamental conditions for the interaction of inner and external reality. Discreteness-continuity as immanent

properties of psychological boundaries come out through the analysis of two interrelated measurements: dynamic and temporal.

Keywords: *psychological boundary; external reality; inner reality; discreteness (discontinuity); continuity (permanence).*

Введение

«Полнота бытия – вот что имеет отношение ко мне, рассыпанное как в осколках зеркал. Мы отражены в тысячах зеркал, которые не собираем, хотя эти отражения и есть мы», – пишет М. Мамардашвили [8, с. 77]. В качестве подсистемы человек включен в разнообразные физические, биологические, социальные системы. С другой стороны, личность сама является системой преломляемого через внутреннее внешнего (С.Л. Рубинштейн) и как бы «свертывает» в себе названные выше системы, дифференцируя, интегрируя и конституируя их в качестве своей картины мира. Система, по определению, ОБЯЗАНА иметь границы – пространственные и динамические (Л. Бергаланфи), и, очевидно, именно психологические границы личности (границы Я) и призваны обеспечивать ее более или менее сбалансированное функционирование. В то же время, сами психологические границы могут и должны рассматриваться как подсистема личности со свойственными ей динамическими и пространственными характеристиками.

Сложность личности как системно-структурного феномена определяет совокупность требований к психическому здоровью (ВОЗ): с одной стороны, к непрерывности и постоянству идентичности Я и переживаний в однотипных ситуациях, способности к планированию своей жизнедеятельности и реализации планов, адекватности силе и частоте воздействий среды и социальным ситуациям; с другой – к изменению поведения в разных ситуациях; с третьей – к критичности к себе и своей психической деятельности и способности к самоуправлению в соответствии с социальными нормами. Однако, «чем подробнее джунгли, тем печальнее обезьяны» (И. Бродский). В современном мире с его неопределенностью, непредсказуемостью и отсутствием гарантий успеха в применении традиционных практик взаимодействия человека с социальной средой, а также фрагментарностью и недолговечностью транслируемых социальными институтами и «пятой властью» стандартов образа жизни, ее качества и соответствующих знаний, умений и навыков проблемы социально-психологической адаптации и самореализации личности обостряются многократно. Понятие адаптированности как приспособленности устаревает: недостатки адаптации становятся для очень многих образом жизни и далеко не всегда – свидетельством болезни или аномальности. Атомизированные и расте-

рянные предоставленной им свободой самоопределения люди пытаются найти точку опоры доступными им способами: закрывая глаза на пугающую реальность и капсулизируясь в своем внутреннем мире или приватности дома-крепости; убегая от реальности в виртуальные пространства разного рода зависимостей; создавая в нонконформистском порыве собственные контр-реальности; и т.д.

В психодинамической парадигме любое поведение, в том числе защитное, имеет «позитивное намерение». Психологические защиты противостоят рассогласованности поведения и амбивалентности чувств (З. Фрейд), болезненным содержаниям (Д. Адамс); угрозе распада образа Я, «ужасу растворения связного Я» (Д. Калшед); дезинтеграции личности (К. Домбровский). Из благих, очевидно, намерений они искажают, отрицают или фальсифицируют реальность более или менее активно и осознанно. Так или иначе, «поиск себя» (Гераклит), «возвращение в себя» (св. Августин), «уход в себя» и «выход из себя» определяют диалектическую связь Я и не-Я и границы между ними.

Обзор литературы

Психоаналитическая традиция трактует Я-границу и как процесс разделения Я и не-Я, и как инструмент для разрешения противоречий между ними [1]. В итоге различаются два вида границ: гибкая коммуницирующая граница Я с окружающим миром, с одной стороны, с другой – отделяющая и в то же время связывающая сознающее Я и внутреннее бессознательное: чувства, инстинктивные побуждения, эмоции, образы и т.д.

В гештальт-теории [12] психологические границы – и неотъемлемый «орган» взаимодействия Я и не-Я (одновременно и контакта, и изоляции), и место контакта, тождественное Эго. Изменения границ означают развитие личности (с разными векторами), а сопротивление изменениям – ее стагнацию. Главной функцией границ выступает выбор формы контакта, допустимо возможного для Я – нашего свободного выбора, призванного совместить вовлеченность в окружающий мир и одновременный отклик на свои внутренние реакции: действия, идеи, людей, ценности, установки, образы, воспоминания и т.д.

Наше согласие на устойчивые отношения с миром и с самими собой предполагает определение пределов свободы и ее границ: границ пространства и времени, средств существования, влияния на жизнь окружающих с их активностью, а также общность понимания всего названного. Н. Элиас [19] важнейшей функцией границ Я считает обеспечение автономности личности. Способность разделять себя на наблюдателя и наблюдаемого определяет качество границ и реализуется в двух стратегиях: а) в цивилизационных механизмах самоконтроля – са-

модистанцировании и самоотрешении от хаотичных внешних давлений и б) в *самоограничении* желаний и побуждений, включая переход от недопустимого к допустимому и нахождения в последнем удовлетворения. Схожая позиция у А.С. Шарова [17]: действия границ трактуются как процесс «ограничения» активности личности, сокращающий и так не бесконечное количество степеней ее свободы, с целью регуляцию процессов адаптации, развития и формирования личности. И. Бродский в эссе «Меньше единицы» отмечает в этом плане определенное преимущество тоталитаризма, предлагающего индивиду некую личную вертикальную иерархию с совестью во главе: мы надзираем за тем, что происходит у нас внутри, доносим нашей совести на наши инстинкты, а затем себя наказываем. Другими словами, механизм подавления столь же присущ человеческой психике, сколь и механизм раскрепощения [3, с. 746-747].

Уровень контроля над границами, внутренние или внешние решения относительно правил, устойчивость к эмоциональному заражению, манипуляциям, эксплуатации Н. Браун [20] считает определяющими для качества границ: мягкости, упругости, ригидности/селективности и гибкости/жесткости. Описываются и другие свойства психологических границ обычно в связи с их функциями: динамичность, сила–слабость, здоровье–поврежденность, открытость–закрытость, сохранность–рваность и др. Г. Аммон называет важнейшим свойством границ их подвижность [1]: расширение границ Я создает предпосылки для формирования относительно свободной от давления инстинктов и внешней реальности личности, сужение же препятствует личностной и социальной интеграции.

Итак, необходимым для здоровья и оптимальной жизнедеятельности личности является ориентация и действие в двух типах реальности – внешней и внутренней, – находящихся в системных отношениях, взаимодействующих и соизменяющихся на границе контакта. Синергичность отношений человека и социального мира обеспечивается сопряженностью, интегрированностью, сбалансированностью импульсов внешней и внутренней реальности личности. Разные стороны этого феномена освещают Г. Аммон, В. Бион, Н. Браун, Д. Винникот, Т.С. Леви, К. Левин, М. Кляйн, М. Малер, Т.Д. Марцинковская, И.и М. Польстеры, В. Тауск, П. Федерн, З. Фрейд, Э. Хартман и др. В целом психологические границы [6]:

- регулируют движение энергии между внутренней (сдерживание) и внешней (пропуск) реальностями, осуществляя тем самым избирательный и аутентичный обмен между ними (интериоризацию и экстериоризацию);
- способствуют относительно равноценному освоению-осознанию внутренней и внешней реальности, соотнесению информации об их состоянии и активизации временного сочетания сил для решения задач конкретного взаимодействия;

- защищают внутреннюю реальность от негативных внешних воздействий;
- дают возможность самовыражения; и т.д.

Постановка задачи, выдвижение гипотезы

Мы предполагаем, что фундаментальными условиями взаимодействия внешней и внутренней реальности выступают дискретность (прерывность) и континуальность (непрерывность) границ Я как их имманентные свойства, характеризующие их и взаимно дополняющие друг друга в динамическом и пространственном измерениях.

Дискретность описывает структурность объекта, его внутреннюю «сложность», прерывность его пространственно-временного строения, составляющих его элементов, видов и форм существования, процесса движения, развития. Будучи необходимым условием выполнения каждым элементом его функции, дискретность обуславливает возможность дополнения, замены и взаимозамены отдельных элементов системы. Очевидно, что в выборе допустимого отдельные границы Я могут в определенных условиях нивелировать, компенсировать, замещать друг друга: например, телесные границы и границы ценностей с их желанием-нежеланием расширить диапазон допустимого; границы привычного и границы риска; и т.д. Важно, что сама граница не есть нечто монолитное, слитное: это системное образование, в котором каждая подсистема внутренне дискретна, что и определяет ее потенциал взаимокompенсации ее элементов, их взаимодополнения и т.д. Относительная устойчивость и неделимость объекта как качественно определенного целого, его пребывание в рамках данной меры, взаимосвязь и взаимообусловленность его элементов и состояний описываются в категории его континуальности.

Описание исследования

Рассмотрим *дискретность–континуальность границ Я в динамическом измерении*. Во всех системах, где наблюдаются непрерывные изменения, дискретность – последовательный переход системы в новое качество от одной стадии к другой; континуальность – *непрерывное* функционирование системы во времени. Именно из этих взаимоотношений дискретности–континуальности развития исходят культурно-историческая теория Л.С. Выготского, эпигенетическая теория Э. Эриксона и разнообразные периодизации развития в онтогенезе.

Проблема соотношения дискретности и континуальности границ Я во взаимодействии внешней и внутренней реальности раскрывается через анализ ее геноза посредством взаимосвязанных процессов *интеграции* и *дифференциации*. Различные концепции выделяют

разные процессы развития:

- первичную целостность, дифференциацию и свободное органическое единство всех элементов внутри целого в силу внутренней солидарности («Великий логический закон развития» В.С. Соловьева);
- контрдифференциацию и системную консолидацию (А.А. Богданов);
- переход относительной глобальности и слабой дифференциации во внутреннюю дифференциацию, обобщенность, упорядоченность (Х. Вернер);
- переход от несвязной однородности к связанной разнородности (В.Н. Ивановский); и т.д.

Согласно теории динамических систем, развитие системы связано со сложным взаимодействием ее элементов, при котором достижение новых состояний осуществляется через собственное функционирование путем самоорганизации. Развитие системы внешней и внутренней реальностей происходит на основе процессов дифференциации-интеграции, предполагающих усложнение системы через переход от целостного глобального состояния к дифференцированному состоянию элементов с последующей их интеграцией на более высоком уровне. Преобразование межсистемных связей в процессе дифференциации обуславливает преобразование внутрисистемных связей в процессе интеграции и выход всей системы на новый качественный уровень развития [17].

В генезе границ Я изменения отношений внешней и внутренней реальности связаны с построением и разрушением границ между ними, последовательной сменой движений импульсов внешней и внутренней реальности с целью поддержания относительного баланса [6], пульсирующим характером противоречия дискретности и непрерывности, переливом их форм (И.Б. Новик) [10].

Рассмотрим формирование границ как процесс последовательно сменяющихся друг друга **интеграции** и **дифференциации в онтогенезе**. В анализе динамики границ предлагается перечень пяти динамических и одной инструментальной характеристик их функционирования. Динамика представлена в способностях личности к активности в интервенциях в чужие границы или допущении внедрения в собственные; к регуляции и к контролю границ в целях сохранности «чувства Я»; а также в осознанности их существования и их «чувствовании». Инструментальной характеристикой границ Я выступают способы их защиты для сохранения своего благополучия [9].

В раннем детстве внешняя и внутренняя реальность не дифференцируется, существуя как неделимая единица; на границе контакта находится взрослый, решающий задачи взаимосвязи

внешней и внутренней реальности. Границы проницаемы, что определяет открытость ребенка внешней реальности и невозможность защититься от ее воздействий. «Прочувствовать» границы позволяют стрессовые ситуации [Там же].

На протяжении *дошкольного периода* в результате активности интеграционных процессов в психическом развитии происходит становление психологических границ с их постепенным сужением за счет стремления преодолеть симбиотические отношения, обособиться и сепарироваться от близких. В 5-6 лет граница между человеком и окружающим миром действует бессознательно в целях защиты от вторжений внешнего мира и избирательной открытости к его воздействиям. К 6-7 годам границы наполняются социальным смыслом и начинают осознаваться.

В *младшем школьном возрасте* границы Я становятся средством регуляции собственного состояния как механизма адаптации к внешним воздействиям, в связи с чем вектор их развития направляется от внутренней реальности к внешней.

Подростковый период знаменует переход к символически обозначенным границам: потребность в личном пространстве оформляется и активно выражает себя в виде его отстаивания, стремления к независимости (закрытые двери, личные тайны и др.). Свойственные подросткам закрытость или ограничение доступа в свой внутренний мир, нежелание открыться другим (прежде всего взрослому) связаны с осознанием хрупкости собственных убеждений, принципов, а потому стремлением уменьшить возможные внешние угрозы [7].

Усиление психологических границ при прохождении возрастных кризисов (трех и семи лет, подростковый) объяснимо: в эти периоды кардинально меняется сложившийся характер взаимоотношений между внешней и внутренней реальностью. При этом в стабильные периоды усиливаются процессы интеграции, в кризисные – дифференциации. На каждой стадии психического развития все компоненты интегрированы и действуют в единой системе регуляции взаимодействия. Однако соотношение внешней и внутренней реальности через механизмы дифференциации–интеграции имеет вид не идеального баланса (возрастание одного механизма сопровождается убыванием другого и наоборот), а носит противоположенный характер: рост / снижение интегрированности вызывают одновременные снижение / рост дифференцированности (Х. Вернер) [23].

Таким образом, дискретность позволяет выйти на новую стадию развития, определяя внутреннюю дифференцированность, относительную самостоятельность существования составляющих его устойчивых элементов; непрерывность же позволяет поддерживать единство, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов, устойчивость системы в целом.

Формирование психологической границы как осознанной избирательной *интериоризации* и *экстериоризации* (аутентичного самовыражения) рассматривает Т.С. Леви [6]. Развитие функций границ идет по спирали от первоначальной открытости младенца к осознанной, избирательной открытости. Соотнесение информации о состоянии внутренней и внешней реальности имеет вид последовательно сменяющихся друг друга, противоположно направленных векторов: чувствительности к себе со стороны внутренней реальности и чувствительности к миру как результата взаимодействия с внешней реальностью.

Интериоризация и экстериоризация обеспечиваются благодаря сопряженной деятельности функций границ: не пропускающая функция делает границы не проницаемыми для внешних вредных воздействий; полностью проницаемая – позволяет Я «слиться» с миром; вбирающая, втягивающая – способствует активному удовлетворению потребности; отдающая – позволяет выражать себя; сдерживающая – контейнирует внутренние импульсы. В совокупности функции границ представляют собой единый цикл развития как последовательного взаимодействия процессов обособления – концентрации – разотождествления – идентификации. Дисбалансированность функций относительно внутренних и внешних импульсов в онтогенезе приводит к трудностям в решении определенного вида задач взаимодействия с внешним миром.

В целом психологическая граница формируется в результате преодоления человеком симбиотических отношений, осознания своего внутреннего пространства, его отстаивания, обретения права на самоопределение, свободу, ответственность за себя и собственное воздействие на окружающих, что позволяет в зависимости от состояния мира и своего желания менять характеристики границы, актуализируя те или иные ее функции. Расширение внешней и внутренней реальности в процессе онтогенеза за счет непрерывных обменных процессов между ними определяется дискретностью границ.

Дискретность границ подтверждают и данные о влиянии ранних отношений с взрослым на дальнейшую жизнь и развитие ребенка. Баланс привязанности и автономности либо его нарушения влияют на развитие бессознательных диспозиций к специфической организации актуальных взаимодействий и валентности их восприятия. В результате формируется аффективно-когнитивный стиль личности – устойчивый индивидуальный паттерн с системой представлений о человеческих отношениях, системе их категоризации и регуляции с разным уровнем когнитивной дифференцированности, сложности, символической опосредованности и эмоциональной пристрастности. Структурно такой стиль включает [16]:

- а) взаимодействующие подструктуры подсознательных преддиспозиций и схем, осуществляющих селекцию, прогноз и контроль социальной активности;

- б) защиты и копинги аффективной регуляции;
- в) конфигурации отношения к себе и значимым другим. Сложившийся стереотип психического реагирования конструирует модель общения, определяющего стратегии поведения в новых, трудных, неопределенных и кризисных ситуациях.

В динамике персонотенеза дискретность–континуальность психологических границ прослеживается в их становлении как едином процессе развития двух переплетающихся, но самостоятельных интраперсональных и интерперсональных тенденций. Первая тенденция отражает последовательность исходного отделения Я от внешнего мира, благодаря чему ребенок идентифицирует себя и получает возможность из этого «центра вселенной» тестировать внешнюю по отношению к нему реальность и вырабатывать свое отношение к ней. Вторая тенденция разворачивается от выражения состояния Я к определению пределов личной ответственности, далее к обеспечению контакта и затем – равноправного взаимодействия. На каждой из описанных стадий возможны в силу депривации, дефицитарности или гипертрофированности соответствующих потребностей нарушения качественных характеристик границ: их подвижности, проницаемости, гибкости [22]. Следствиями нарушений интраперсональных границ будут патологические функциональные механизмы фрагментарного Я вплоть до «глубокого отсутствия Я» у детей, воспитывающихся в обстановке насилия (А. Бентовим); интерперсональных – деформации смысла и способов интеракций: манипуляции, навязчивая потребность в тотальном контроле, созависимость и т.д.

Факторы и условия, блокирующие оптимальное функционирование границ Я, в их отношении к внешней и внутренней реальности систематизирует Л.А. Степнова [13]:

- *внутренняя реальность*: неосознанные комплексы неполноценности, заставляющие человека осваивать компенсаторные формы поведения и уводящие от истинного пути саморазвития (А. Адлер); невротические образования, закрывающими доступ личности к самой себе (К. Хорни); психологические защиты, отделяющие человека от самого себя (А. Фрейд); феномен выученной беспомощности (Л. Абрамсон, М. Селигман, Д.А. Циринг); негативное влияние прошлого опыта и возникающие в результате привычки, замыкающие нас в непродуктивном поведении (А. Маслоу);
- *внешняя реальность*: деструктивное окружение и его негативное давление; отсутствие необходимых социальных условий (доступ к информации, образованию, контактам с людьми); авторитарный социальный контекст; необходимость реализации социальных и профессиональных ролей, не соответствующих индивидуальным особенностям и способностям личности.

Нарушения социального и личностного функционирования упрощают строение системы, деформируют или сокращают межфункциональные внутрисистемные и межсистемные связи, приводят к функциональному обеднению границ взаимодействия внешней и внутренней реальности – снижается уровень когнитивной опосредованности (зрелости) защитных стратегий, процессов контроля реальности, качество ее тестирования. Как индивидуальная приспособительная система самоконтроля и саморегуляции возникает особый когнитивный стиль (Е.Т.Соколова) [14], проявляющийся в виде двух основных тенденций:

1. Дефицит автономного режима функционирования, зависимость, слипание, склеенность внешней и внутренней реальности вследствие низкого уровня дифференциации границ. Границы размыты, а потому личность затрудняется в выделении себя из «поля», ее внутреннее Я доступно для вторжения. Защитные структуры слабо дифференцированы и когнитивно опосредованы. Отношения со значимыми другими осуществляются за счет интрапсихических и межличностных манипуляций на фоне бессознательного тяготения к симбиотической зависимости и неудач в обретении самостоятельности и автономии.
2. Отгороженность, закрытость – увеличение дистанции, установление особенно больших буферных зон как следствия негативного опыта психологического контакта и в качестве единственного источника защиты. Непрерывность психологических границ вызывает отчуждение, защитное ригидное отношение к внешнему миру, наличие барьеров в коммуникации, определяющих неспособность регулировать близость и дистанцию в отношениях с окружающим миром.

Итак, психологические границы, подвергающиеся в течение всей жизни человека внешним и внутренним влияниям, континуальны и дискретны одновременно: во времени жизни они функционируют непрерывно, но в своем функционировании разделены на стадии, фазы и в этом смысле дискретны.

Описания дискретности-континуальности динамики психологических границ, включая их функции, свойства и характеристики, не объясняют, однако, феномена взаимного перехода Я и не-Я. Проницаемость, прозрачность, открытость, растворимость границ и т.п. описывают, по сути, их отсутствие или отказ от них (временный или постоянный) – состояние для зрелой и здоровой личности патологическое. Однако возможность взаимного перехода Я и не-Я, внутренней и внешней реальностей предполагает наличие неких «пропускных пунктов» на границах Я, что акцентирует наше внимание на их дискретности–континуальности границ в пространственном измерении.

Сама ситуация перехода может быть описана в трех основных вариантах:

1. В практике повседневности переход границ, как правило, остается для нас беспроблемным и незаметным, поскольку наше поведение и поведение других вписаны для нас в широкие смысловые контексты. При этом взаимодействия внутренней и внешней реальности Я как между собой, так и внутри каждой из этих реальностей разбросаны во времени, и их прерывистость и повторяемость выступает критерием их возобновляемости в «потоке сознания» (У. Джеймс) и цепи интеракций с миром.

2. При нарушениях границ, их «взломе» как реакции на острую или интенсивную психическую травму угроза для границы Я находится вне Я; человек застревает на аффекте, не будучи в состоянии ассимилировать его в контакт, способствующий целенаправленному поведению [12]. В отсутствие переработки травмы тревога воспринимается как разрушительная, следствием чего выступают травматические примитивные защиты расщепления, проективной идентификации, идеализации, обесценивания и т.д.

3. Не санкционированные опытом и не регулируемые Я ситуации – «крушения веры», инсайта, бифуркационного выбора, миграции в альтернативных мирах, трансцендирования из осмысленного в неуловимое и невыразимое – варианты выхода человека за данную ему природой и культурой ситуацию наиболее мало объяснимы с точки зрения условий перехода границ Я.

Описанные ситуации перехода Я и не-Я рождают закономерный вопрос о характере самого строения границ Я: является ли это личностное образование монолитным конгломератом или мозаичным, дискретным феноменом?

Философско-психологическим фундаментом доказательства существования дискретности–континуальности границ Я в пространственной плоскости выступают концепции множественных миров (У. Джеймс), областей конечных значений (А. Шюц), виртуальных реальностей (С.С. Хоружий).

Зародившийся в античности «культ непрерывности» пространства, времени и движения (все непрерывное делимо на части, всегда делимые – модель континуума) на рубеже 19-20 вв. был ниспровергнут аритмологическим мировоззрением (Н.В. Бугаев, П.А. Флоренский), провозгласившим принцип разрывности, или дискретности. Свобода, откровение, творчество, перевороты в личной и общественной жизни – все это разрывы непрерывности, «зияния» в мире, отрицающие мир как «сплошность», зависящую только от самой себя и постижимую в понятиях непрерывности и детерминизма. Универсальность этих «зияний» и проявляется

в дискретности психологических границ личности, определяя возможность взаимного перехода Я и не-Я в описанных выше ситуациях.

Однако для понимания этой возможности необходим отказ от моноонтического мышления с существованием только одной реальности и сложившихся схем опыта и мышления-как-обычно, с позиций которых мы не способны осмыслить ситуацию моментного перехода своего бытия в радикально новое и принципиально непредсказуемое состояние иначе, нежели как «незнание» (М. Фуко). Постмодернизм открывает полионтическую неопредельную парадигму множественности миров и промежуточных виртуальных реальностей (повседневности и игры, мифа и науки, бытия и экзистенции и т.д.). В этой парадигме вопрос о Я-границах значительно усложняется: возникает необходимость координации в реальностях Я, внешнего окружения и внутреннего психического в их связях в плоскостях различных миров и переходов между ними.

У. Джеймс, предложивший идею множественных миров, считал их относительно автономными, обладающими особым и неповторимым стилем существования, но структурно подобными друг другу. Главное свойство этих миров – их непротиворечивость: каждый из них, пока на нем сосредоточено внимание, воспринимается как реальность, и все они блокируют сомнение в их собственной реальности до тех пор, пока мы находимся внутри них [5]. Но как мы мигрируем между этими мирами?

Определяющая черта человека – его экс-центричность (Х. Плеснер [11]): способность дистанцироваться, осознавать себя как Я в теле и как Я вне тела и созерцать сценарии своей внутренней жизни. Экс-центричность универсально проявляется в интеллектуально-нравственной и в эмоционально-поведенческой сферах, проецирует структуру нашего индивидуального мира – внешний мир, внутренний, мир других людей – и задает способы реализации нашего существования. Человек переступает свои границы уже потому, что как живое существо не удерживается в них и, стремясь стать иным, не таким, каков он есть в данный момент, переходит от одного превращения к другому. Наш «действительный внутренний мир» несет в себе разлад с самим собой, конфликт, пустоту, зияние и т.п. Один из основополагающих законов нашего существования – *Закон утопического места* – связан с именно нашим ощущением своей неукорененности: достигнув чего-то, мы сразу же хотим выйти за всякие ограничивающие рамки.

Вслед за У. Джеймсом, в парадигме феноменологической социологии А. Шюц [18] отдает приоритет миру повседневности, здравого смысла – «верховой реальности», за которой следуют подмиры искусства, фантазий, игры, научной теории и т.д. Добавим: в ином ракурсе

человек одновременно или попеременно живет мирами семьи, группы, этноса и т.д., а внутри этих миров могут быть и альтернативные, конкурирующие между собой.

Решая вопросы взаимоотношений этих миров как «областей конечных значений» – их суверенности в законах и внутренней логике, возможности пересечений и наложения друг на друга, иерархии, – Шюц формулирует главные аксиомы [21]:

Множественные миры замкнуты, переход из одного мира в другой (обрывается сновидение, приходит переживание религиозного экстаза и т.п.) осуществляется «скачком» (термин С. Кьеркегора) как субъективным переживанием шока. Таким образом, нет никакой «формулы трансформации» содержания одного мира в содержания другого; шоковые переживания свойственны самой реальности и показывают нам: мир повседневности – один из многих, доступных нам в нашей интенциональной жизни.

Миры неравноценны – происходя от мира повседневности, они являются ее «колониями», чем и объясняется их структурное родство. Но гораздо важнее суверенитет миров, определяемый уникальным когнитивным стилем каждого из них: способами блокировки сомнения в чем-либо, способом действия, переживания своего Я, особой формой социальности, временной перспективой.

Философско-психологическая концепция виртуальной реальности [15] трактует ее как «недо–возникающее событие, недо–рожденное бытие» (С.С. Хоружий). Если реальность – это среда существования множества разнородных и разнокачественных объектов, то виртуальную реальность составляют отношения разнородных объектов, расположенных на разных иерархических уровнях их взаимодействия и порождения. При этом виртуальная реальность всегда порождена некоторой исходной константной реальностью, но обе они самостоятельны, автономны и сосуществуют во временных рамках процесса их порождения и поддержания их существования. Объект виртуальной реальности всегда актуален и реален, и она способна породить иную виртуальную реальность следующего уровня, становясь по отношению к ней «константной реальностью» – и так до бесконечности. Предел порождения виртуальной реальности может быть обусловлен лишь ограниченностью психофизиологической природы человека как «точки схождения всех бытийных горизонтов».

Появление новых реальностей, соотносящихся посредством интеграции, координации, субординации, коррелирует с развитием и социальным конструированием личности (Дж. Флейфелл; П. Бергер и Т. Лукман). В процессе ее взаимодействия с социальной средой происходят процессы дифференциации от глобально-целостных форм к внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным, усложняющим систему взаимозависимостей.

Рассмотрим подробнее специфику повседневной реальности – индивидуального мифа человека о его связях с людьми и вещами с уверенностью в их незыблемости. Человека, живущего «наивной жизнью» (А. Шюц), направляет латентное знание реалий повседневности, известных всем и нерелексивных – клише, стереотипов, норм. Как системы координат они постоянно корректирует его поведение с помощью супер-эго и внешнего контроля общественного мнения, законов, СМИ. Таким образом, стереотипный характер повседневности зачастую навязан нам. Но, замечает Л. Бинсвангер, человеческая пассивность – не просто и не только бытность-в-качестве-объекта-происходящего. Это особый способ, каким Я устанавливает отношения с самим собой: «я»-вынуждено-позволить-себе-быть-преодоленным, не управляющее собой и увлекаемое своими образами, желаниями и побуждениями [2, с. 158].

Персонализируя окружающее пространство, мы конструируем его «для себя» и «под себя» в соответствии со своими интересами и идентифицируем его пропорционально себе. Одновременно мы отождествляем себя со своим статусом, профессией, социальной ролью, то есть с сегодняшней ступенью своего развития; со своими потребностями, часто искусственными и излишними; с собственным образом Я, сложившимся в результате приспособления к обстоятельствам. Принятие мира как не подлежащей сомнению данности строится на трех глубоко коренящихся допущениях: 1) что мир всегда будет вести себя так же, как вел себя до сих пор; 2) что все до сих пор надежное будет оставаться таковым и впредь; 3) что все, что удалось успешно сделать раньше, может быть сделано аналогичным образом еще раз и привести к таким же результатам [18, с. 621]. Складывающееся из воспитания, влияний традиции, привычек, стереотипов знание повседневности подобно «знанию рецептов», сведенных к автоматическим привычкам или само собой разумеющимся банальностям, где значима лишь сама регулярность событий внешнего мира и безразлично ее происхождение.

Однако важнейшие черты повседневности – бодрствующее внимание, Я-центризм, прагматичность, интересубъективность, воздержание от сомнений, повторяемость, стереотипность и понятность эмпирического бытия – не тотальны и оставляют зазоры для исключительности, неопределенности и непонятности. Само «мышление-как-обычно» несвязно, ясно лишь частично и не свободно от противоречий. Как только хоть одно из приведенных выше допущений не выдерживает проверки, привычное мышление перестает работать, «кризис» прерывает поток привычки и создает измененные состояния сознания и практики или опрокидывает всю действующую систему релевантностей [там же, с. 544-545].

В то же время внутренний мир не вписывается в стереотипы, и поэтому человек очень часто непонятен сам себе. Замечено, что часто один и то же человек способен развиваться в од-

ной области и сопротивляться развитию в других; в крайних (но нередких) случаях формируется комплекс Ионы (А. Маслоу) – сознательный отказ человека от развития и сопротивление личностному росту. При этом способность сохранять ощущение своих границ, допуская или блокируя поведение на границах контакта, для его жизни гораздо важнее, чем получение удовольствия, практические проблемы и т.п. [12]. При сформировавшихся границах Я мы опасаемся посягательства на них из страха взаимодействия с ними и, как следствия, угрозы ощутить пустоту, ничтожность или слабость перед давлением извне, или страха разрыва повседневности, угрожающего самому существованию. По сути, это страхи потери идентичности или автономности, детерминирующие главную цель нарушений границ – прерывание усиления возбуждения при контакте до наступления уровня, с которым мы не можем совладать. Всегда ли мы успеваем сделать это вовремя? – Вопрос риторический.

Л. Бинсвангер показывает: когда «мы падаем с небес» – мы действительно падаем. Наше гармоничное взаимоотношение с миром неожиданно испытывает ошеломляющий удар горького разочарования и сопутствующего ему шока; оно действительно оторвано от своего места в мире и будет двигаться в рамках смысловой матрицы спотыкания, погружения и падения, пока мы не сможем снова обрести равновесие [2, с. 196].

Трансгрессия (М. Фуко) – невозможный переход непроходимой, казалось бы, границы допустимо для Я возможного, может быть помыслен только при условии признания дискретности этой границы, даже если мы не подозреваем о невозможном и не верим в него. В системе отсчета мира повседневности, мира здравого смысла трансгрессия – немыслимое предательство, дезертирство, побег за пределы принадлежащего этому миру вовне его. Однако для человека, вынужденного меняться в силу непредсказуемых изменений мира, трансгрессия – шаг, выражающий и невозможность человека остановиться, и измену себе, привычным реалиям повседневности, и изменение себя и их.

Синергетика утверждает: поведение систем зависит от их предыстории, и в ситуации бифуркационного ветвления «выбор» системой траектории во многом зависит от того, каким именно путем она попадает в точку бифуркации. Аналогично, по мнению Фуко, в момент трансгрессивного перехода на тончайшем изломе линии мелькает отблеск ее происхождения, возможно, также тотальность ее траектории и даже сам ее исток [4, с. 788]. Если границы Я выражают степень доступности сознанию внешних по отношению к нему воздействий, то способность преодолеть границы заложена как в становлении сознания, так и в структуре самих границ и в индивидуальных характеристиках их дискретности–континуальности.

Конструируя и конституируя свою модель реальности, мы параллельно конструируем и реконструируем модель Я для этой реальности, беспрепятственно мигрируя между ними и переходя их границы естественно и незаметно для себя в естественной и согласованной повседневности. Нарушение ее согласованности знаменует трансгрессию из порядка в хаос, а неспособность примириться с беспорядком своего существования означает необходимость трансгрессии-«скачка» в иные измерения. Таким образом, дискретность–континуальность границ Я динамична: под влиянием внутренних и внешних факторов благодаря своей дискретности/прерывности и континуальности/непрерывности они постоянно разрушаются и восстанавливаются в прежних или новых параметрах, с более или менее широкими возможностями.

Заключение

Подведем итоги проведенного анализа исходной гипотезы о том, что дискретность–континуальность границ Я являются их имманентными свойствами, взаимно дополняющими друг друга в динамическом и пространственном измерениях границ, благодаря чему они выступают фундаментальным условием взаимодействия внешней и внутренней реальности личности.

В динамическом (временном) измерении дискретность–континуальность раскрывается в генезе границ Я через действие психологических механизмов:

- а) интеграции и дифференциации, где соотношение внешней и внутренней реальности носит противонаправленный характер: рост интегрированности сопровождается одновременное снижение дифференцированности (и наоборот);
- б) интериоризации и экстериоризации, обеспечивающих за счет непрерывных обменных процессов между ними расширение реальностей.

Таким образом, в динамическом измерении психологические границы Я *континуальны и дискретны* одновременно: в онтогенезе и персоногенезе они функционируют *непрерывно*, но в этом континуальном процессе *дискретны*, разделены на качественно различные стадии.

В пространственном измерении дискретность–континуальность границ Я основывается на экс-центричности человека и проявляется особым образом в различных ситуациях перехода Я в не-Я:

- в практике повседневности доминирует континуальность: переход остается не замеченным и не осознанным Я в широких смысловых контекстах «потока сознания» и цепи интеракций с миром;

- дискретность границ выходит на первый план при их нарушениях под действием психической травмы и в отсутствие ее психогенеза, следствием чего является разрушение Я;
- в миграции во множественных альтернативных мирах дискретность–континуальность наиболее динамичны. Переход как трансгрессия, «скачок» в разрыве непрерывности отражает доминанту дискретности границ, но трансгрессия может стать практикой, образом жизни (медитации, смена масок) и в этом случае – характеристикой континуальности границ Я.

Таким образом, психологические границы Я сами по себе не есть нечто монолитное: это системное образование, в котором каждая подсистема внутренне дискретна и континуальна во времени и пространстве. Способность преодолеть границы, изменить степень взаимодействия Я и не-Я заложена как в становлении сознания, так и в структуре самих границ и в индивидуальных характеристиках их дискретности–континуальности.

В заключение отметим ряд вопросов, перспективных в контексте нашего исследования: механизмы и условия взаимодействия внутренних и внешних границ Я; единство или уникальность природы внутренних и внешних границ; способы координации Я в реальностях внешнего окружения и внутреннего мира в их связях в плоскостях различных миров и переходов между ними.

Список литературы

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Издательство Психоневрологического института В.М. Бехтерева, 1995. 200 с.
2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. «КСП+», М.; «Ювента», СПб (при участии психологического центра «Ленато», СПб), 1999. 300 с.
3. Бродский И. Избранное. М.: Издательская группа «Агтикус», 2009. 800 с.
4. Всемирная энциклопедия: Философия XX век. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. 976 с.
5. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
6. Леви Т.С. Телесная парадигма развития личностной аутентичности. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. 189 с.
7. Леви Т.С., Краснова О.В. Взаимосвязь психологической границы и самосознания личности (на примере подросткового возраста) // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 232-235.
8. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.

9. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2014. № 3 (32) июль-сентябрь. С. 13-28.
10. Новик И.Б. О моделировании сложных систем. М.: Мысль, 1965. 335 с.
11. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию: Российская политическая энциклопедия. 2004. 368 с.
12. Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. М.: Независимая фирма «Класс», 1996. 272 с.
13. Степнова Л.А. Внутренние и внешние ограничители развития аутопсихологической компетентности // Мир психологии. 2008, № 3, С. 97-104.
14. Теория развития. Дифференциально-интеграционная парадигма / Сост. Н.И. Чуприкова. М.: Языки славянской культуры, 2009. 222 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=73435> (дата обращения: 15.01.2016).
15. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя. 2000. 477 с.
16. Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997. 480 с.
17. Шаров А.С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 2000. 41 с.
18. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
19. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования // Элиас Н. М.: Директ-Медиа, 2007. 1568 с.
20. Brown N.W. The Destructive narcissistic pattern / Brown N.W. Westport, Connecticut, London, 1998. P. 369.
21. Schuetz A. On Multiple Realities / Schuetz A. // Philosophy and Phenomenological Research. Vol. 5. №.4. (Jun., 1945). P. 533-576.
22. Shapoval I.A. Co-dependence: the system of self-regulation of interactions in the social world / Shapoval I.A. // European Applied Sciences. ORT Publishing, Stuttgart, Germany. 2013. № 2 (Januari). P. 159-162.
23. Werner H. Comparative psychology of mental development. N.Y.: Percheron Press. A Division of Eliot Werner Publ.; Inc. Clinton Corners, 2004. 564 p.

References

1. Ammon G. *Dinamicheskaya psihiatriya* [Dynamic Psychiatry]. SPb.: Izdatel'stvo Psihonevrologicheskogo instituta V.M. Bekhtereva, 1995. 200 p.
2. Binsvanger L. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-world]. «KSP+», M.; «YUventa», SPb, 1999. 300 p.
3. Brodskij I. *Izbrannoe* [Favorites]. M., 2009. 800 p.
4. *Vsemirnaya ehnciklopediya: Filosofiya XX vek* [The World Encyclopedia of Philosophy of the twentieth century]. M.: AST, Mn.: Harvest, Sovremennyj literator, 2002. 976 p.
5. Dzhejms U. *Psihologiya* [Psychology]. M.: Pedagogika, 1991. 368 p.
6. Levi T.S. *Telesnaya paradigma razvitiya lichnostnoj autentichnosti* [Bodily paradigm of personal authenticity]. M., 2011. 189 p.
7. Levi T.S., Krasnova O.V. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2013. № 4. P. 232-235.
8. Mamardashvili M.K. *Moj opyt netipichen* [My experience is not typical]. SPb.: Azbuka, 2000. 400 p.
9. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psihologii*. 2014. № 3 (32). P. 13-28.
10. Novik I.B. *O modelirovanii slozhnyh sistem* [On modeling of complex systems]. M.: Mysl', 1965. 335 p.
11. Plesner H. *Stupeni organicheskogo i chelovek. Vedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Steps organic and human. Keeping in philosophical anthropology: Russian Political Encyclopedia]. M., 2004. 368 p.
12. Pol'ster I., Pol'ster M. *Integrirrovannaya geshtal't-terapiya: Kontury teorii i praktiki* [Gestalt Therapy Integrated: Contours of theory and practice]. M., 1996. 272 p.
13. Stepnova L.A. *Mir psihologii*. 2008, № 3. P. 97-104.
14. Chuprikova N.I. *Teoriya razvitiya. Differencial'no-integracionnaya paradigma* []. M., 2009. 222 p. <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=73435>
15. Horuzhij S.S. *O starom i novom* [On the old and the new]. SPb.: Aletejya. 2000. 477 p.
16. Chuprikova N.I. *Psihologiya umstvennogo razvitiya: princip dif-ferenciacii* [Psychology of mental development: the principle of differentiation]. M.: Stoletie, 1997. 480 p.
17. Sharov A.S. *Sistema cennostnyh orientacij kak psihologicheskij mekhanizm regulyacii zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [The system of valuable orientations as the psychological mechanism of regulation of human activity]. Novosibirsk, 2000. 41 p.

18. Shyuc A. *Izbrannoe: Mir; svetyashchijsya smyslom* [Favorites: World glowing sense]. M., 2004. 1056 p.
19. Ehlias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya* [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies]. M.: Direkt-Media, 2007. 1568 p.
20. Brown N.W. The Destructive narcissistic pattern / Brown N.W. Westport, Connecticut, London, 1998. P. 369.
21. Schuetz A. On Multiple Realities / Schuetz A. // *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 5. №.4. (Jun., 1945). P. 533-576.
22. Shapoval I.A. Co-dependence: the system of self-regulation of interactions in the social world / Shapoval I.A. // *European Applied Sciences*. ORT Publishing, Stuttgart, Germany. 2013. № 2 (Januari). P. 159-162.
23. Werner H. *Comparative psychology of mental development*. N.Y.: Percheron Press. A Division of Eliot Werner Publ.; Inc. Clinton Corners, 2004. 564 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Шаповал Ирина Анатольевна, профессор кафедры специальной психологии, доктор педагогических наук

Оренбургский государственный педагогический университет

*пр. Коммунаров, 57, г. Оренбург, Оренбургская область, 460000, Российская Федерация
irinashapoval@yandex.ru*

Фоминых Екатерина Сергеевна, доцент кафедры специальной психологии, кандидат психологических наук

Оренбургский государственный педагогический университет

*пр. Коммунаров, 57, г. Оренбург, Оренбургская область, 460000, Российская Федерация
fominyh.yekaterina@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Shapoval Irina Anatolyevna, Professor of the Special Psychology Department, Doctor of Psychological Sciences

Orenburg State Pedagogical University

*57, Kommunarov pr., Orenburg, Orenburg region, 460000, Russian Federation
irinashapoval@yandex.ru*

Fominykh Ekaterina Sergeevna, Assistant Professor of the Special Psychology Department,
Candidate of Psychological Sciences

Orenburg State Pedagogical University

*57, Kommunarov pr., Orenburg, Orenburg region, 460000, Russian Federation
fominyh.yekaterina@yandex.ru*